

острова: он может локализоваться как «напротив Пулы», т. е. в зоне проживания истров, так и в либурнской части полуострова. Более того, само написание несонима в рукописи проблематично. В связи с этим любая попытка определения его лингвистической принадлежности является исключительно умозрительной и, в отсутствие надежной такономии языков и диалектов Северной Адриатики, — бессмысленной.

Фалилеев А. И. Pannono-Illyrica // Современные методы сравнительно-исторических исследований : материалы VIII Междунар. науч. конф. по сравнительно-историческому языкознанию. М., 2013.

Delamarre X. Noms de lieux celtiques de l'Europe ancienne. Paris, 2012.

Doria M. Toponomastica preromana dell'alto Adriatico // Antichita Altoadriatiche. 1972. № 2. P. 17–42.

Falileyev A. In search of the Eastern Celts. Studies in geographical names, their distribution and morphology. Budapest, 2014.

О. Е. Фролова

Московский государственный университет, Москва
olga_frolova@list.ru

Метафора живого и неживого в малых фольклорных жанрах

Проблема телесности связана с тем, как человек воспринимает мир, соотнося его с собой, создавая языковые метафоры, позволяющие представить реальность как антропоцентричную и часто антропоморфную сущность.

Наша цель — показать, как в жанре загадки работают механизмы антропоцентризма и антропоморфизма при кодировании различных денотатов, когда загадка прибегает к телесному коду. Материалом послужил сборник [Садовников, 1960]. Предмет анализа — существительные, называющие неотделяемые части тела, которые наделены одной (*глаз, ухо*) или несколькими сложными функциями (*голова*). Подробней остановимся на функционировании в энигматических текстах слова *голова*.

© Фролова О. Е., 2015

Загадка создает свои жанровые метафоры, выстраивая неполные тождества или отрицая тождества, но при этом опирается на переносы, зафиксированные в системе языка. Так, уже [САР, 1, 177] в конце XVIII в. дает фигуративное значение слова *голова*, сохранившееся и в современном языке: ‘начальник, старшина, наибольший, главный над кем или в каком месте’. Предикатное употребление слова *голова* отражено в примере: *Без рук, Без ног, Всем голова* (опара) [Садовников, 1960, 76, № 486].

Голова как часть тела без детального описания органов представлена в ряде текстов, построенных на отрицании тождества или отождествлении функций [см.: Левин, 1978, 291]: *Кто не имеет ни головы, Ни рук, ни ног, а везде Ходит и всех обманывает?* (безмен) [Садовников, 1960, 75, № 483].

В составе тела голова мыслится как важнейший орган. Наличие в тексте загадки словосочетания, построенного по модели «числительное + существительное *голова*», свидетельствует о том, что денотат — сложная ситуация с несколькими участниками. Ср. примеры: *Шесть ног, Две головы, Один хвост* (верховой); *Три тулова, Три головы, Восемь ног, Железный хвост, Кованый нос* (соха с бороною); *Десять ног, Десять рук, Пять голов, Четыре души* (покойника несут) [Садовников, 1960, 131, № 1033; 141, № 1201; 241, № 2220].

Голова является самой верхней точкой тела и связывается с прямохождением. В этом также отражается антропоморфность телесной метафоры, поскольку голова животного может быть ориентирована иначе: *Стою ли я над головой — прямо стою. Стою ли я под ногами — прямо стою* (гвоздь в сапоге) [Садовников, 1960, 97, № 689].

В ряде загадок *голова* представлена как контейнер для мозга: *Есть человек Без рук, без ног: Голова есть — без мозгу, Брюхо есть — без кишок, Бока есть — без мяса* (донце) [Садовников, 1960, 89, № 603].

Устойчивое словосочетание *пустая голова* в значении ‘дурак’ отмечено еще в [САР, 2, 178]. В следующем примере переосмысливается эта присутствующая в системе языка идиома: *Встану я рано, Пойду к барану Пустой голове* (рукомойка) [Садовников, 1960, 53, № 269]. Устойчивое выражение *голова трещит* косвенно находит отражение в загадке *Покатился монах По Сионским горам, Сухари — в головах* (гром) [Садовников, 1960, 224, № 2031].

Загадка как игровой жанр может играть прямым и переносным значениями. В загадке *Стоит Мирон, Полна голова ворон* (овин)

[Садовников, 1960, 139, № 1178] выражение *полна голова ворон* отсылает к переносному значению слова *ворона* ‘разиня, зевака, человек нерасторопный’ [САР, 1, 853]. Поскольку денотатом загадки является овин, описывается ситуация, когда птицы могут прилетать туда за зерном. Так в преображенной ситуации имеется в виду переносное, а в исходной — прямое значение одного и того же слова. В следующих примерах обыгрывается прямое — ‘лишенный головы’ — и фигуративное значение — ‘глупый’ — прилагательного *безголовый* [СЦСРЯ, 1, 28]: *Носила меня мать, Уронила меня мать, Подняли меня люди, Понесли в торг торговать, Отрезали мне голову, Стал я пить И ясно говорить* (гусиное перо); *Родится без ног и без головы, А как подрастет — вырастут и ноги и голова* (курица) [Садовников, 1960, 242, № 2243; 123, № 973].

Итак, *голова* в телесном антропоморфном коде загадки имеет несколько значений: а) ‘важнейшая часть тела человека’; б) ‘часть тела, не подвергающаяся изменениям с рождения до смерти’; в) ‘наиболее уязвимая часть тела, поражение которой чревато смертью’; г) ‘контейнер, содержащий мозг’. Текстовые метафоры загадки сложно взаимодействуют с языковыми идиомами и переосмысленными дериватами существительного *голова*. Антропоцентричность телесного кода заключается в опоре загадки на метафорику, представленную в системе языка.

Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. М., 1960.

Левин Ю. И. Семантическая структура русской загадки // Паремнологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 283–314.

САР — Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб., 1789–1794.

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. СПб., 1847.